

Переводчик: Антония

Пара прошептала друг другу более сладкие слова, когда черная фигура встала на колени и сразу же встала на колени: "Извини, повелитель, я вернулся поздно".

Спасение жизни вернулось! Асан и Аву сразу же повернулись назад и чуть не заплакали. Это спасение не называлось спасением жизни! Если бы они продолжали оставаться здесь, то были бы отравлены публично проявленной любовью между повелителем и дамой.

Увидев входящего человека, Мо Цяньсюэ распрямила спину и села воздвигнутой.

Мягкость лица Нин Шаоцина также уменьшилась, и на смену ей пришло обычное суровое: "Еще не поздно! Как раз вовремя". Он жестом разрешил мужчине в черном встать: "Спасибо!"

Когда мужчина в черном посмотрел вверх, на его лице появился свирепый шрам. Это был именно теневой охранник.

Когда он впервые нашел старого господина Вана, он знал, что такое яд в его теле и трава, необходимая для лечения.

Просьба к мистеру Вану забрать траву была лишь тактикой, чтобы ввести врагов в заблуждение.

Врач был слишком большим и очевидным в качестве цели, поэтому Нин Шаоцин не лелеял слишком много надежды в нем, но он все еще посылал группу людей, чтобы сопровождать его во время путешествия, чтобы выбрать траву, потому что это была именно его тактика, чтобы позволить врагам поверить, что Нин Шаоцин не имел никакого другого выбора.

На самом деле, он уже тайно поинтересовался, есть ли такая же трава в другом месте, и послал группу людей охранять ее. Другая группа скрытой охраны была отправлена для выполнения этой миссии.

Причина, по которой теневой страж вышел, состояла в том, чтобы гарантировать успешное получение травы.

Теперь, когда Нин Шаоцин пообещал охранять, он будет держать свои слова и жить хорошо.

Чтобы выжить, он не стал бы вкладывать всю надежду в одного человека. Даже если теневой охранник не смог выполнить свою миссию, на пути будет еще одна альтернатива.

Единственное, что его беспокоило, это предыдущий прорыв яда, который застал его врасплох.

К счастью, его девушка не была настолько глупа, чтобы принять решение самостоятельно, чтобы позволить врачу использовать злые на него, в противном случае он действительно будет плакать.

Теневой охранник протянул руку в карман и вытащил светло-золотой корень. Станный врач, только что храп на стуле, мгновенно поднялся и схватил за траву: "Трава-проводник! Почему ты не сказал мне раньше? Ребята!"

Нин Шаоцин сказал ему, но он не поверил и заснул. Мо Цяньсю покачала головой, но не осмелилась сказать много, опасаясь, что какое-нибудь слово может оскорбить этого странного доктора, так как теперь это был критический момент.

"Да. Это именно корень редкого цветка". Станный доктор внимательно осмотрел светло-золотой корень и кивнул: "Он в хорошем состоянии и до сих пор блестит". Медицинская эффективность будет хорошей".

Услышав его похвалу, теневой страж тайно вздохнул с облегчением, и Асан и Аву улыбнулись вместе.

Нин Шаоцин крепко схватил его за руку, а Мо Цяньсюэ ущипнул его за спину с облегчением.

Обследовав корень, врач случайно отбросил его обратно к теневому охраннику.

Теневой защитник в спешке протянул руку, чтобы поймать его.

Мо Цяньсюэ вспотел, опасаясь, что трава может упасть на землю.

Это было не шутка. Это было лекарство от Нин Шаоцина. Выбросив корень редкого цветка, странный врач вытащил из кармана маленькую фарфоровую бутылочку, и без всякого предупреждения заранее, снова выбросил его случайно, но на этот раз - в Нин Шаоцин.

Нин Шаоцин сразу поймать фарфоровую бутылку в руке, но сердце Мо Цяньсюэ чуть не выскочило.

Она очень хотела надрать задницу странному старику. Комната была не очень большая. Его рука сломалась бы, если бы он передавал вещи другим?

Если бы неуклюжий человек не поймал ее, а трава упала на землю, помашил бы рукавом, повернулся бы, чтобы уйти, смеясь над человеком?

Нин Шаоцин нашел забавными круглые глаза Мо Цяньсюэ. Если бы он не смог поймать

маленькую бутылочку, он бы умер много раз.

Забавно, что его тоже трогали.

Поэтому он нежно похлопал ее по руке. Потом Мо Цяньсю посмотрел в сторону, опустил ей голову с храпом.

Тем не менее, никто не знал, что это незаметное взаимодействие между парой дало странный доктор чувство горечи. Давным-давно была женщина, которая также смотрела на него вот так.

Он винил себя только в том, что был слишком молод, чтобы лелеять. После этого, его тон нежный, он сказал Нин Шаоцин: "Это лекарство, которое я готовил раньше". Возьми его первым. Теперь я начну делать тебе иглоукалывание".

Затем он повернулся к защитнику теней: "Измельчите корень в порошок и добавьте безкорневой воды (капли дождя, которые никогда не падали на землю). После акупунктуры принесите это вашему господину выпить. Тогда его яд будет в основном удален".

В основном? А как же остальное? Мо Цяньсю не мог не волноваться, с нетерпением ожидая старого господина Вана и собираясь задать вопрос.

Затем старый господин Ван повернулся к фарфоровой бутылке, которую он бросил Нин Шаоцину: "Тогда примите таблетки в этой бутылке семь дней подряд, и яд будет полностью удален".

Нин Шаоцин поднял сложенные кулаки, чтобы поблагодарить его: "Пожалуйста".

Странный доктор с готовностью принял это: "Теперь давайте начнем".

Нин Шаоцин, посмотрев на Мо Цяньсюэ, успокоил его и, подхватив Асана и Аву, сказал: "Можешь идти".

Асан и Ау посмотрели друг на друга, поклонились и ушли.

"Цяньсюэ, ты тоже можешь уйти, - увидев Мо Цяньсю, сидящего неподвижно, он снова утешил ее: - С господином Ваном все будет в порядке". Иди приляг и отдохни. Я сейчас же приду".

Она, обычный человек, не знала правил среди мастеров боевых искусств.

Обычно, когда мастер выполнял иглоукалывание, он не позволял другим наблюдать на месте.

Предыдущая акупунктура была направлена на стимулирование его нервов, чтобы разбудить Нин Шаоцин, так что другие не должны были уклоняться, но теперь, врач собирался выполнять реальные секретные техники, так что другие должны покинуть это место.

Видя ее задерживается, г-н Ван думал, что она все еще беспокоится об этой проблеме и дал осмысленный взгляд на нее: "Кашель ... после того, как направляющая трава удаляет все его яд, все виды взаимодействия между вами будет в порядке". Вы можете иметь столько детей, сколько захотите..."

Эти неловкие слова заставили Мо Цяньсю поспешить из комнаты.

Тем не менее, она не вернулась в спальню, а встала у двери и ждала с Чием, Шиву, Асаном и Аву.

Она хотела первой узнать, что с ним всё в порядке.

*

Был рассвет, небо было тускло ярким, шторм прекратился. Казалось, что пара не спала всю ночь и нуждалась в хорошем отдыхе.

Асан, Аву, Чуйи и Шиву работали на подиуме, опасаясь, что какой-нибудь шум разбудит госпожу и госпожу.

В персиковом лесу недалеко от деревни Ван все еще стояли девятнадцать человек в черном.

Высокая фигура, воздвигнутая на склоне холма и уставившаяся вдаль на деревню Ван.

Человек встал на колени и сообщил: "Господи. Нин теперь молчит и молчит, и странный доктор уехал в город Тяньсян".

Всю прошлую ночь люди в шуме входили и выходили из Нинга, и странный доктор был специально приглашен.

Казалось, что Сюэ сильно пострадала.

Однако, так как странный доктор появился и теперь Нин затих, было доказано, что Сюэ теперь в порядке. Это было время для него, чтобы уйти.

Даже бороться за нее, он должен был подождать, пока Сюэ будет в порядке.

Он не стал бы снова прибегать к насилию. Он позволил бы Нингу добровольно сдаться и отпустил Сюэ уйти с ним от всего сердца.

Подумав об этом и решив, Фэн Ючэнь поспешил развернуться, взглянув в последний раз на персиковый лес и указав на Фэн Бо и Фэн Луаня: "Оставайтесь здесь и обратите внимание на госпожу". Докладывайте мне ежедневно".

Фэн Бо и Фэн Луан приняли заказ и ответили в унисон: "Да".

Фэн Ючэнь не оглянулся назад и холодным голосом приказал: "Отступаем!" Его голос был решительным, он пошёл вперёд и прыгнул на лошадь сзади. Шестнадцать охранников приняли приказ и последовали за ним.

Семнадцать всадников устремились вперёд, взбудоражив облака пыли в воздухе.

**

На окраине столицы женщина на лошади скакала по направлению к городу Тяньсян.

Женщина была не молода, но подвижна и отважна в своем движении верхом и подталкивании лошади.

В зале заседаний особняка Мо, хозяин сидел в вертикальном положении и пил чай.

Слуги подошли и доложили: "Хозяин, перед рассветом няня Мо оседлала лошадь и уехала из столицы".

"Проклятье!" Хозяин хлопнул чашкой по столу. У этой суки были свои планы.

"Несколько дней назад она сказала, что больна, а теперь сбежала из столицы. Должна быть какая-то хитрость". Коварные отвратительные глаза раскрыли глубокое намерение убить: "Ты посылаешь за ней больше людей. Помните, не подходите слишком близко. Эта сука очень хитрая. Не дай ей тебя обнаружить."

"Да, хозяин. Мы будем осторожны."

"Когда она увидела человека, не веди себя необдуманно и доложи мне. Я договорюсь."

"Да."

*

Мо Цяньсюэ во сне почувствовала, как Нин Шаоцин встаёт и разговаривает с Чуйи.

Она сильно устала и открыла глаза, когда Нин Шаоцин позволил Чуйи уйти и стоял у кровати, уставившись на нее. Видя, как она просыпается, он погладил её по голове и улыбнулся: "Я разбудил тебя?".

Мо Цяньсюэ с трудом встала, и он поспешил удержать её: "Ещё рано". Ложись спать". Тревожные и любящие глаза заставили Мо Цяньсюэ почувствовать тепло и промямлить "о", прежде чем закрыть глаза и снова заснуть.

Это не ее вина. Травмированная и не спавшая всю ночь, вся занятая и встревоженная, она действительно была слишком сонной!

После того, как она заснула, Нин Шаоцин коснулся его глубоких красивых глаз.

Рана была несерьезной и через два-три года будет в порядке. Но тяжелая работа прошлой ночью слегка разорвала рану, в которой кровь текла сильнее, чтобы даже одежда застряла. Судя по коагуле, кровь шла долгое время.

Тем не менее, она не сообщила об этом вообще и настаивала на том, чтобы подождать, пока удалят его яд, и не давала Чуйи помочь ей прочистить рану, пока не увидела, что он ложится спать.

Она думала, что он спит, но на самом деле он плохо проснулся и слышал каждое слово, сказанное Чуйи.

Он также ясно видел пропитанную кровью внутреннюю одежду, но притворялся засыпающим, потому что не хотел подвести её доброту.

Внимательно относясь к ней, ее профиль во сне был настолько прекрасен, изгиб в форме сердца, плавно переходящий в изгиб из нефрита, что все ее лицо выглядело, как тонко вырезанное произведение искусства.

Луч луча снаружи литья на мосту ее носа, который поднялся между бровями сделал ее лицо блестящим блеском. Симпатичный маленький нос регулярно ломался при дыхании.

Затем, еще ниже, ее полные губы, как цветущие вишни, слегка надутые в глубоком сне, раздавая хрупкие и хрустальные приманки, чтобы соблазнить его подойти и не дать ему разбудить ее от сна. Он оставался рядом, но не прикасался к ней.

Он никогда не рассматривал ее черты так близко и осторожно в такой тишине. Теперь он только чувствовал, что ее красота была вне досягаемости самых красивых языков.

Мо Цяньсюэ снова открыл ей глаза. Нин Шаоцин сидела на кровати, держа ее за руку и улыбаясь ей: "Проснись"?

Мо Цяньсюэ улыбнулся в ответ, и он поддержал ее, чтобы она села самым нежным движением: "Любишь кашу?"

Она села и прислонилась к кровати, спрашивая слабым голосом: "Ты сидела здесь?".

Нин Шаоцин улыбнулся и кивнул.

Мо Цяньсюэ всё ещё звучала обеспокоенно: "Почему бы тебе не поспать ещё?". Твой яд только что удалили. Тебе нужно больше отдыхать."

Тем временем Нин Шаоцин сделала мокрый носовой платок, чтобы почистить лицо и руки.

Опустив носовой платок, Нин Шаоцин получила свою заботу и сладко улыбнулась: "Мне это не нужно". Как только яд удаляется, я чувствую, что каждый дюйм моих вен и сосудов не обременен, еще более комфортно, чем при первом же прохождении через них с внутренней силой".

Какое описание! Мо Цяньсюэ ворвался в смех. Нин Шаоцин принес ей кашу, которую он попросил Чуйи сделать заранее: "В прошлый раз, когда я болел, ты накормил меня" (Л. Рон Хаббард). На этот раз моя очередь".

Мо Цяньсюэ был немного застенчив: "Я могу есть сам".

После этого она протянула руку, чтобы унести чашу, но Нин Шаоцин остановил ее своей неработающей рукой и положил руку на бок, настаивая: "Нет, ты ранен и не должен слишком много двигаться". Будьте осторожны, чтобы не порвать рану снова".

Мо Цяньсюэ все еще боролась, и Нин Шаоцин прижал ее руку вниз, ругая: "Будь хорошей девочкой".

По его ругани, Мо Цяньсюэ обнаружил привязанность и беспомощность.

Наконец, он покормил ее миской с кашей.

Нин Шаоцин вытащил миску, и Мо Цяньсюэ в оцепенении уставился на свою темно-синюю одежду. Она никогда не ожидала, что такой элегантный благородный господин, как он, добровольно послужит другим. Она задалась вопросом, смогут ли после их возвращения в столицу сладкие и чистые отношения, запрещающие даже песчинку, сохранить нынешнее состояние.

Столица была центром политики и власти. Это было не только самое процветающее место, но и место, где велась самая ожесточенная конкуренция и лжились самые грязные заговоры и схемы.

Она заблудилась в своей мысли, когда дверь распахнулась, и Чуйи пошел нести лекарство: "Госпожа, возьмите, пока не остыло".

Мо Цяньсюэ собрала свою мысль и посмотрела на темный суп с лекарствами, который сильно разбил ее сердце: "Моя рана уже в порядке". Уберите ее".

"Госпожа, прошу вас. Господь приказал мне сделать его рано утром. Лучше всего вылечить такую рану, как ваша. Я знаю, что вы не любите горькое лекарство. Я также приготовила для вас сахар".

Чуйи сказал и указал на маленькую тарелку сахара.

Но Мо Цяньсюэ даже не взглянул: "Я сказал нет. Убери это. Кого ты слушаешь?" Если эту миску с лекарствами забрать, она боялась, что ее вырвет желудком, тогда каша будет впустую потрачена впустую.

Мо Цяньсюэ встала, чтобы толкнуть миску, сидя за туалетным столиком: "Причешись мне".

С тех пор, как Чуйи и Шиву приехали сюда, её волосы были сделаны Чуйи, но она не позволяла Чуйи делать эти благородные причёски, но самые обыкновенные, но, конечно, Чуйи могла делать самые красивые причёски, даже если они были обыкновенными.

"Конечно, я слушаю вас, госпожа". У Чуйи была дилемма, но она всё равно опустила чашу и начала делать причёску Мо Цяньсюэ.

Во время расчесывания она снова попыталась убедить ее: "После этого давайте примем лекарство, чтобы рана зажила быстрее, иначе, боюсь, господин обвинит меня...".

"Нет! Если ты боишься его, тогда налей и соври ему, что я взял его..." Когда она говорила, снаружи зазвонил кашель: "Я просто ушла на минутку, а ты больше не ведешь себя хорошо, а?"

Нин Шаоцин зашла снаружи, сказав в ругательном, но баловливом тоне. Вопрос был произнесен через нос, неся очевидную угрозу в длинном тоне.

"Думаю, мне лучше уйти, раз уж лорд здесь заботится о даме". Чуйи сказал в шутку и сразу же ушёл, закрыв для них дверь.

Увидев, что Нин Шаоцин поднял чашу, Мо Цяньсюэ подсознательно нажал ей на губы в

нервном состоянии и отошел назад.

Нин Шаоцин вдруг засмеялся: "Ты боишься горечи?".

Они так долго жили вместе, и он никогда не видел Мо Цяньсюэ таким испуганным и встревоженным.

В этом мире есть люди, которые боятся смерти, бедности, призраков или... Она боится только горечи. Это было так смешно?

Мо Цяньсюэ отошла к столу, раздраженная: "Господи, я не должна беспокоить тебя, чтобы ты заботился обо мне". Пусть это сделает Чуйи. Только что ты потрудился покормить меня кашей. Почему бы тебе не отдохнуть сейчас?"

Губы Нин Шаоцина изогнуты по углам умоляющим Мо Цяньсюэ, и он уговорил её, как будто обращаешься с ребёнком: "Дорогая, иди сюда". Это не горько".

Вдохновленный очаровательным виолончельным голосом, Мо Цяньсюэ подхватил и взглянул на темный пугающий суп. Мгновенно передумав, она жалко посмотрела вверх.

Пододнок. То, что он принял таблетки, но теперь он заставил ее пить горький суп.

Этот человек был таким чернопузым и злым.

Нин Шаоцин чувствовал себя немного подавленным, чтобы заставить ее, но он бы не сделал этого, но за то, что видел красную застывшую кровь на ее одежде прошлой ночью.

Если она не приняла лекарство, рана может заразиться и привести к лихорадке, поэтому он продолжал уговаривать ее: "Как я могу позволить тебе принять лекарство?".

Учитывая его мягкий тон, но решительные шаги, Мо Цяньсюэ некоторое время размышлял. Хотя ее мужчина был добр к ней, но был очень упрям с точки зрения принципов. Казалось, что сегодня ей не сойдет с рук эта миска с лекарствами.

Если она должна была принять его, то она должна была справиться с дозой. Глядя на него, стоящего там и держащего чашу, она пришла с идеей.

Она села на стул за столом, глаза блестели от хитрости, хрупко говоря: "Я так бессильна сейчас". Если ты можешь перепрыгнуть через стол, я возьму это".